

фантастическая
история

Книги Александра Башибузука
в серии «Фантастическая История»

СТРАНА АРМАНЬЯК. БАСТАРД
СТРАНА АРМАНЬЯК. РУТЬЕР

МОСКВА, 2015

фантастическая
история

Александр Башибузук

Страна Арманъяк.
Рцтьер

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б33

Серия основана в 2010 году
Выпуск 107

Башибузук А.

Б33 Страна Арманьяк. Рутьер: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 312 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2045-2

Александр Лемешев, тренер и олимпийский чемпион по фехтованию, по воле случая воплотившийся в теле бастарда Жана д'Арманьяка, не находит поддержки среди сторонников своего покойного отца и остается один на один с жаждущим его смерти королем Франции Луи XI по прозвищу Всемирный Паук. Жан становится командиром отряда наемных стрелков, называющих себя рутьерами, и сражается под знаменами Карла Смелого, герцога Бургундского, с армией Фридриха III Габсбурга — императора Священной Римской империи. Бастард готов своим клинком добыть себе славу и положение взамен украденных французским королем. Он твердо верит в то, что придет время, когда король ответит за все свои злодеяния против семьи Арманьяк. Ну а пока молодого рутьера ждет множество интриг, опасностей и конечно же любовные приключения.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Александр Башибузук, 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2045-2

ГЛАВА 1

Ядро со свистом и треском врезалось в телегу, проломив борт и застряв в связках фашин...

Вот клятые дойчи... Не иначе какой-то дальнобойной серпентиной или фальконетом обзавелись. Далеко бьет, почти в два раза дальше, чем бургундские орудия.

Чуть тронув поводья, проехался вдоль строя арбалетчиков и аркебузирова, которыми командовал по праву лейтенанта наемной компании.

Невозмутимые красные рожи, наглые глаза, браво торчащие усы. Блестят начищенные пехотные сапаты. Легкий ветерок треплет длинные белые котты с маленьким красным крестиком на груди. Под ними добротные бригантины.

Арбалеты и аркебузы они держат на правом плече, к поясу подвешены короткие широкие фальшионы и кинжалы. Арбалеты — кракинены, с металлическими дугами и немецким воротом. Болт из такого гарантированно прошибает с трех десятков шагов любую броню; конечно, кроме турнирного доспеха, но в таком никто не воюет, только на турнирах и блистают.

Аркебузы тоже одинаковые, калибром двадцать миллиметров и длиной ствола в полтора метра. Стволы для них сварены в Туделе, колесцовые замки куплены в Леванте, а собраны они в Осасуне, мастером Диего Орхедо — по моему личному заказу. До сих пор вздрагиваю, когда припоминаю, во сколько они мне обошлись, но деньги уже почти все вернулись. Казна компании возмещает мне затраты.

У аркебузирова в левой руке полусписа с крюком сбоку, служащим подставкой для аркебузы при выстреле, но ей вполне можно работать и в рукопашной схватке как обыкновенной короткой пикой, а еще в качестве дополнительной функции из них довольно быстро собираются переносные рогатки. Всех-то дел — в обозе возить брус со сквозными калиброванными отверстиями. Сам конструкцию придумал... или не сам, а где-то читал в своей прошлой жизни? Уже не важно. Все знания, которые я принес с собой в эту эпоху, теперь мои. Кто оспорит?

У аркебузирова на сгибе локтя маленькие баклеры, через плечо пущен черно-фиолетовый шарф. Лично заказал у портных на всю банду и обязал носить. Это мои цвета, а все они все-таки мой личный найм.

У арбалетчиков в ногах установлены широкие павезы высотой до груди, чтобы удобно было на верхний срез щита класть арбалет при прицеливании. Болт такую павезу не пробивает даже с десятка шагов: сам проверил, когда их покупал в Сарагосе. Три слоя клеенного рыбьим клеем мореного граба в стальной оковке и подстежка из специально обработанной воловьей кожи.

Кстати, из такой же испанской кожи, необычайно крепкой и легкой, сделаны кирасы для моих кутюльеров, выстроившихся рядом с основным строем отдельной бандой — общим числом в три десятка. Молодые парни, от четырнадцати до шестнадцати лет, все в статусе учеников арбалетчиков и аркебузирова. Их я экипировал в добротные шапели, а поверх кожаной кирасы — в металлические пластроны и вооружил протазанами с длинными кинжалами.

У кутюльеров, приписанных к арбалетчикам, за спиной плетеные корзины с запасными болтами, у приписанных к аркебузирам — кожаные ранцы с разным огневым припасом. Их задача — снабжать стрелков бесперебойно, ну а потом уже добывать раненых врагов и обдирать их как липку. В общем, очень полезные функции они выполняют.

— Мы же не собираемся жить вечно? — проорал я своей компании, сдерживая гарцующего Родена. — Но и спешить

в ад не будем! Все равно места́ для нас там готовы и никто их не займет. Верно?

— Верно!

От рева луженых фламандских и мосарабских глоток взмыла стая ворон, пировавшая на трупах незадачливых швейцарцев, решивших устроить ночную вылазку из города Нейса.

Ну вот... Собственно, счастливый ритуал соблюден. Честно говоря, я не особенно уверен, что он счастливый, но так утверждает Иоганн Гуутен — мой капитан. Капитан компании рутьеров, то есть отряда наемников. Рутьеры, к слову, народ чрезмерно суеверный. Но так мы себя называем только в узком кругу, не очень популярно это слово по нынешним временам, лет сто назад постарались настоящие рутьеры, совсем не стеснявшиеся этого названия, — они опустошали целые области, превращая их в безжизненные пустыни. Но тех после Столетней войны быстро извели, и, кроме устава и некоторых обычаев, сохраненных верными адептами боевого братства этих страшных банд, от них ничего не осталось. Теперь мы бриганды, компаньоны или вообще живорезы. Очень характеризующее название... В общем, как только нас не называют, но от этого мы наемниками быть не перестали. И не перестанем.

— Петер, старый козел, ты что тут делаешь? — строго прикрикнул я на коренастого бородача, бочком проникшего в строй к арбалетчикам.

— Да он поживиться опять намылился... — засмеялись в шеренге. — И маркитанток из обоза Фридриха повалить захотелось. Да не на что...

— Ко мне! — махнул ему рукой.

Бородач, понурясь, выбрался из шеренги и, подойдя ко мне, преклонил колено.

Я покрутил головой и, не увидев вымпелов, сигнализирующих наступление, понял, что время у меня еще есть. И так строго, в воспитательных целях, поинтересовался:

— Петер, ты кто такой есть?

— Обер-интендант, гранд-повар Петер ван Риис, господин лейтенант! — bravo отрапортовал наемник, вскочив и выпятив грудь, стукнув по ней кулачищем для достоверности.

— Тогда какой такой драной ундины ты лезешь в строй, когда обязан следить за съестными припасами, котлами и поварятами? — Я состроил зверскую рожу, впрочем внутренне улыбаясь.

Очень уж удачно я назвал должность повара в своем отряде, и она как нельзя кстати подходила к этому бородачу, знающему все о похлебках, жарком и паштетах.

— Так все готово, господин лейтенант! — выпучив глаза от усердия, проревел Петер. — Прием пищи — по распоряжку! Малинская чесночная похлебка будет. Я четырех баранов и полувоз провианта с боем взял у самогó личного каптенармуса кондюкто шестой роты. Не извольте беспокоиться, пальцы облизывать будете. А для вас лично — гусь с...

— Мать Божья!

Неожиданно под ноги моему обер-интенданту ударило ядро, совсем заляпав того грязью и заставив рыбкой нырнуть в ближайшую лужу.

Арбалетчики дружно загоготали и застучали кулаками по своим павезам, приветствуя столь удачный кульбит своего повара.

— В строй! — гаркнул я. — Но смотри... если твои помощники с котлами не справятся — три шкуры спущу... и не с них, а с тебя.

Наемники одобрительно загудели и пропустили в шеренгу повара, утирающего морду от грязи.

Все правильно. Для солдата после боя ничего нет важнее тарелки густого горячего и жирного варева. Поэтому в первый же день вступления в командование я организовал в своем отряде централизованное горячее двухразовое питание, вызвав поначалу скептическую улыбку капитана Гуутена, потом взявшего мой опыт на вооружение всей компании.

Иоган Гуутен... Человек, давший мне новую цель в жизни, как, впрочем, и обещал два года назад в Сарагосе...

До сих пор не понимаю, благодаря кому и как я переместился из вполне цивилизованного двадцать первого века в дремучее средневековье пятнадцатого столетия. Какое стечение обстоятельств, какая сила превратили меня — Александра Лемешева, из тренера сборной страны по спортивному фехтованию в бастарда Жана д'Арманьяка, виконта де Лавардан и Рокебрэн? Не знаю! Да и, честно говоря, не очень и задумываюсь над этим. Даже порой забываю, кто я есть на самом деле...

Потом я уже сам менял личины: то в беглого шевалье де Сегюра, то в нынешнюю свою ипостась — лейтенанта наемных арбалетчиков шевалье де Дрюона. Благородный наследник целой страны инкогнито на просторах Европы наемничает, ёптыть...

В первый день переноса я чуть с ума не сошел, осознав, куда и в кого угодил. Очень, знаете ли, мне повезло...

Попал я своим бестелесным сознанием в бессознательное тело бастарда, получившегося от греховной и преступной связи Жана V конта д'Арманьяка и его единоутробной сестры Изабеллы. Папаша мой из-за этого инцеста оказался дважды отлученным от церкви, что не помешало ему стать одним из предводителей Лиги Общественного Блага, личным врагом руа франков Луи XI, и... В общем, его грехи перед французской короной и святой католической церковью можно перечислять до бесконечности. Самым же большим папашкиным грехом был... грех жадности свободы и независимости для своей страны от жадного до чужих земель короля Людовика, прозванного соседями Всемиренным Пауком, объединителя, мать ее в дышло... Франции.

Да и это как бы еще ничего по сравнению с тем, что я остался один на один с всемогущим Луи, без малейшей поддержки, после того как папашу разодрала на клочки ворвавшаяся в Лектур французская солдатня под руководством его преосвященства галликанского кардинала Жоффруа. Город, в котором отважный конт д'Арманьяк удерживал последнюю в своей жизни осаду. А хренов Всемиренный Паук, воистину меткое прозвище у этого чертового

Луи, просто жаждал извести последнего оставшегося на свободе представителя рода Арманьяков. То есть меня.

Но я выжил! Не без помощи, конечно... По воле случая на следующий же день я нашел в лесу одичавшего беглого монаха, впоследствии ставшего мне верным оруженосцем — шотландца Уильяма из благородного клана Логанов по прозвищу Тук. Монаха — саморасстригу, приговоренного к смерти в славном городе Оше за мелкие шалости вроде убийства, воровства, колдовства и прочие незначительные проступки, за которые по средневековым нравам не только вешают, срубают голову, колесуют с последующим четвертованием, но и сжигают на медленном огне...

— Я успел? — Около меня осадил своего жеребца присно упомянутый Тук.

— Да, еще сигнала к выступлению не было. Ну, что там?

— Все жалованье до последнего патара отсыпали... — ухмыльнулся шотландец, совмещавший у меня в отряде должность сержанта арбалетчиков с должностью оберказначея — аудитора, ответственного за казну, жалованье и вообще за все финансовые дела. — Монета уже под замком; опечатал и стражу поставил.

— Красавчик... — отпустил я довольного своей оборотистостью и моей похвалой шотландца, — иди к своим... скоро начнется...

Герцог все-таки внял голосу благоразумия и выплатил войскам жалованье, задерживаемое уже полгода, непосредственно перед битвой. Более чем разумный поступок, учитывая то, что на помощь осажденному Нейсу заявила целая армия Фридриха III, правителя Священной Римской империи. Армия, которая в четыре раза превышала нашу, то есть армию герцога Бургундского Карла по прозвищу Смелый. И ныне сей герцог решил дать германцам решительный бой... Как раз в таких случаях к определению «решительный» добавляют еще одно слово — «последний».

Тук спешился, передал поводья слуге, сразу умчавшемуся с конем в тыл и, поправляя арбалет, стал в строй. По боевому расписанию сержант арбалетчиков воюет пешим, тут

я ничего поделывать не могу. Да и не буду пытаться. Там ему самое и место. За эту должность шотландец год бился, пока его не избрали сами стрелки. Да, должность выборная, почетная, с двойной долей в добыче и сержантским жалованьем. В бургундской армии ей ближайший аналог должность дизанье, но у нас так, хотя мы и приписаны к шестой ордонансной роте имени святого Иоанна Богослова под управлением кондюкто Бернара де Равештайна на правах самостоятельного отряда.

Чуть пришпорил Родена и, не обращая внимания на очередное ядро, взрывшее раскисшую землю, выехал к строю.

— Радуйтесь, желудки. Жалованье выплатили! — сообщил благоую весть личному составу и придержал коня, шарахнувшегося в сторону от дружного довольного рева восьми десятков глоток.

Вот теперь и я спокоен и доволен. Моих орлов после битвы ждут горячая еда и жалованье в звонкой монете, а это значит, что без вина и податливых маркитанток они не останутся. Что еще может лучше простимулировать рутьеров быстрее утыкать врагов болтами, взять трофеи и вернуться в лагерь? Да ничего.

Ну, где там войско императора Священной Римской империи, осмелившегося выступить против нашего нанимателя Карла Смелого Бургундского? Разнесем и оберем до исподнего, и плевать нам, что дойчей в четыре раза больше... или в пять?

М-да... печально, совсем я инстинкт самосохранения потерял и вжился в образ... Поначалу так не было...

После того как я попал в тело бастарда и справился-таки с нехилым потрясением и растерянностью, встал вопрос... Извечный вопрос, описанный классиками на разный лад сверх меры. Что делать? Что, черт возьми, делать полностью не приспособленному и фактически неграмотному современному человеку в глухом пятнадцатом столетии?

Вот и я не знал...

После мучительных раздумий и терзаний решил продолжить дело бастарда и его непутевого папеньки. Почему-то я

всеми фибрами возненавидел руа франков. Не иначе мне от бастарда ненависть передалась, да и, честно говоря, было за что. Паук оказался совершенно мерзкой личностью. Все, что клеветали про Ивана Грозного, — это правда, но только... про француза Луи.

Бастард должен был отправиться в Арагон просить помощи у тамошнего правителя — Хуана II, рея Арагона, Валенсии, Сицилии, Неаполя, Наварры и конде Барселоны. Понимая, что только при живом новоявленном отце моя судьба имеет сколько-то ясные перспективы, я отправился в Испанию, но на следующий день узнал, что уже поздно. Город Лектур взяли, а отца разорвали на клочки солдаты, скорее всего, по прямому приказу Паука, хотя формально Арманьяку была дарована почетная капитуляция и право беспрепятственно проследовать ко двору Луи для личных оправданий...

— Сейчас скомандуют атаку! — Возле меня осадил коня Иоганн Гуутен, капитан нашей компании.

— Слава богу, вечер уже. — Я прервал воспоминания и указал копьём в небо, покрытое свинцовыми тучами. — Остается всего часа четыре светового дня.

— Ну ты же знаешь Карла... — ухмыльнулся Иоганн, сдерживая затанцевавшего андалузского жеребца, — могли сегодня вообще не начать. Он только что закончил посвящать в рыцари очередную порцию своих дворянчиков.

Наш капитан, по своему плебейскому происхождению, дворян недолюбливал. Я являлся тем редким исключением, которое только подчеркивает правило.

— Жиром де Бюсси он тоже посвятил? — спросил я с интересом.

— Ну а как же; только для посвящения его приволокли на носилках, после того как ты ему располосовал ногу на дуэли. Он еще долго сам ходить не будет! — расхохотался Гуутен, но быстро посерьезнел. — Но это все суета, Жан. Смотри... Мы выступаем вслед за нашей ротой на правом фланге второй баталии и попробуем от них не отстать.

Цель — вон тот холм с артиллерией перед вагенбургом имперцев. Хотя я уже примерно представляю, как все будет...

— За конными жандармами мы не успеем, — мрачно подтвердил я, — эти выскочки полетят рубить дойчей галопом.

— Именно, но мы должны постараться. Видишь, вонючки уже стараются... — Иоганн показал на ломбардских канониров, как раз выпаливших из своих серпентин, и с надеждой добавил: — Может, они все и закончат?

Вот не любят фламандцы ломбардцев — считают, что те воняют. Уникальное наблюдение, с учетом того, что в бургундской армии сейчас воняют все как одно большое стадо свиней. И я под вечер тоже совсем уже не отличаюсь от самых главных грязнуль Европы — англов. Но я хоть моюсь каждый день и заставляю умыться своих арбалетчиков. Мосарабы, кстати, делают это без напоминаний, каждое утро и вечер. Все-таки они родом из мавританской Испании, а на данный исторический момент сарацины в плане личной гигиены впереди планеты всей. Но все это, так сказать, неотъемлемые элементы Средневековья. Привык уже.

Я глянул на позиции канониров...

Собственно, битва уже началась. Герцог Бургундский выдвинул всю артиллерию, которую только смог оторвать от осады Нейса, на дистанцию досягаемости германского вагенбурга, и она сейчас по мере сил обрабатывала лагерь Фридриха. Не знаю, насколько успешно, но некая паника среди дойчей наблюдалась.

Германские артиллеристы отвечали, но с меньшим успехом. Собственно, германскими они были только номинально. Скорее всего, те же ломбардцы — этот народец нанимается ко всем, кто платит, — и частенько воюют друг против друга. Тоже наемники, со своей историей...

— Ага... Ломбардцы могут только начать, заканчиваем за них всегда мы, — засмеялся я. — Ты барки дойчей в устье Эрфта видишь?

— Ну да. — Иоганн, приложив ко лбу руку козырьком, посмотрел в сторону реки. — Ну и?..

— Да есть небольшая задумка... Я отдал уже распоряжения, но посмотрим, как все закрутится...

Тем временем над бургундской армией пронесся протяжный медный вой.

Трубачи просигналили наступление.

Взметнулись штандарты, и огромные массы бургундской кавалерии пришли в движение. Сначала медленно, затем все быстрее, сверкая начищенными латами, пышными плюмажами и яркими вымпелами, стальной вал покотился в сторону армии Фридриха.

— Труби... — бросил команду трубачу и тронул коня.

Мои арбалетчики и аркебузиры, расположенные впереди фаланги спитцеров, мерно зашагали вперед, затем перешли на легкую трусцу.

Спитцеры следовали за ними и пока держали свои пики на плечах, но по первой же команде могли ошестиниться совершенно непроходимым частоколом граненых, бритвенно острых наконечников.

В нашем отряде пикинеры были фламандцами и немного разбавлены брабантцами. Суровые, немного флегматичные мужики, совершенно не признающие никаких дворянских преимуществ над собой, абсолютно верные своему отряду и командиру — эти головорезы из Фландрии в буквальном смысле слова считались лучшими пикинерами Европы.

Почти все арбалетчики были уроженцами Брюгге и Геннегау. Когда меня представили им как их лейтенанта, в строю не прозвучало ни слова, не показалось ни малейшей улыбки, только угрюмые неприязненные взгляды. Прежний покойный лейтенант тоже был фламандцем и пользовался их безоговорочным уважением и доверием.

Но уже через месяц они были готовы вспороть брюхо любому бросившему на меня косой взгляд. Как так получилось? Даже не знаю... Как-то само по себе... Для начала я подучил фламандский язык. Слава Деве Марии, бастард немного знал его, и когда я стал хоть и коряво, но разговаривать со своими стрелками на их родном языке, это принесло в мою копилку первые монетки признания. Я не чинил-

ся посидеть, поболтать с ними на бивуаках и распить по кружечке дрянного местного пива, обсуждая достоинства маркитанток. Я даже каким-то чудом запомнил всех их по именам, что тоже помогло разбить стену отчуждения...

Частокол на холме перед вагенбургом окутался густыми клубами дыма, разом рывкнули все имперские бомбарды, кулеврины, фальконеты и прочий большой средневековый огнестрел.

В лаве атакующих жандармов возникли зримые просеки. Кубарем полетели лошади, подминая под себя окованных железом всадников.

В ответ раздался гневный рев:

— С нами Богородица! Монсеньор святой Георгий и Бургундия...

Прежде чем имперские канониры смогли снова зарядить свои орудия, стальная лава достигла подножия холма, смяв редкое прикрытие из лучников и арбалетчиков. Но навстречу им хлынули во множестве вражеские пехотинцы, а с флангов ударили немецкие риттеры.

Имперские кнехты принялись плутонгами палить из своих ручных кулеврин.

Из-за частокولا били арбалетчики и лучники.

Все смешалось, а сражающихся заволочло клубами дыма...

М-да... ожидания сбываются.

Без пехоты бургундские жандармы холм не возьмут. Подтверждая мои слова, плотный строй кавалеристов разбился на отдельные группы и понемногу пятился назад.

Я скомандовал своим ускориться и осмотрел поле боя.

С левого и правого флангов перешла на бег бургундская пехота, одетая в гербовые котты своих кондюкто. Нам же, на правах отдельного отряда, разрешили носить свои, чисто-белые, только с маленьким крестиком на груди, но выступали мы все-таки под штандартом шестой роты.

Обогнав нас, галопом пронеслись жандармы. Судя по стягам — двенадцатой, тринадцатой и четырнадцатой рот. Они с налета врезались в имперцев и опрокинули их. Я да-

же присвистнул, когда разглядел личное знамя Карла Смелого и его эскадру шамбелланов — личных камергеров-телохранителей. Сливки бургундской знати, ёптыть... Герцог ввел в бой все, что имел в наличии, и сам не удержался...

Ну как же... куда без него; наблюдать за сражением со стороны и принимать необходимые решения, как сделал бы всякий нормальный полководец, Карлуша не может. Обязательно надо лично подраться. Доведут его когда-нибудь подобные эскапады до цугундера. Был бы я историком или хотя бы почитывал историческую литературу в своей прошлой жизни, знал бы сейчас, пусть и примерно, чем закончится это сражение. Ан нет... Не знаю, ни хрена не знаю, ничем, кроме оружия и фехтования, будучи Александром Лемешевым, я не интересовался. Правда, фехтовать умею и даже в свое время Олимпиаду выиграл, но это только оттеняет мою общую безграмотность...

Иоганн Гуутен в сопровождении знаменосца, трубача и лейтенанта спитцеров Иоахима ван дер Вельде, моего хорошего приятеля и постоянного собутыльника, находился с правого фланга нашей фаланги. Я постоянно посматривал на капитана, готовый при необходимости продублировать команду для своей части компании. Прелести средневековой манеры ведения баталий, ёптыть... Раций, как вы понимаете, нет, и еще очень долго не будет. Все команды отдаются голосом и дублируются трубачами и сигнальщиками. И попробуй проворонь предписываемый маневр...

Постепенно наша кавалерия под натиском императорской армии, оправившейся от первого удара, стала откатываться назад. Жандармы, просачиваясь в стыки между пехотными отрядами, отходили в тыл... Хорошо, что мы не во Франции. Галльские рыцари не считали для себя зазорным проехаться бронированными конями через свою же пехоту.

— Ну, мля... Сейчас начнется. — Я передвинул из-за спины вперед тарч и крепче ухватил копьё.

Огляделся. Мои личные четыре кутюльера держались рядом как привязанные, по сторонам и сзади. Нормально.

— Стой! — рывкнул трубачу, увидев, как из клубов пыли и дыма стройными рядами выдвинулись немецкие кулевринеры, прикрытые пикинерами.

Так...

Дистанция?..

Для нас в самый раз. А они нас не достанут. Для ручных кулеврин далеко — не добить им. Зато мы успеем по ним залпа три сделать — точно.

Надсаживая горло, проорал:

— Пли!

Мою команду продублировал сигнальщик, скрестив и опустив флажки.

Первая шеренга, быстро прицелившись, выпустила болты и скрылась за павезами, работая вóротами.

Вторая шеренга повторила маневр первой.

К тому времени, когда выстрелила наша третья шеренга, первая уже взвела свои арбалеты. Все работает четко, как отлаженный механизм. Пока я доволен...

Первую шеренгу германской пехоты напротив моего отряда как корова языком слизнула, вторую тоже проредили качественно, но имперские кнехты, несмотря на это, упорно перли вперед...

Теперь мой личный довод, конечно, не совместимый с доводами королей, но все-таки...

По команде сквозь строй пикинеров промаршировали аркебузиры.

Пыхнули пучком искр колесцовые замки, загрохотало, заволокло плотным едким дымом так, что невозможно было ничего разглядеть даже в двух метрах, но успешность ружейного залпа засвидетельствовали предсмертные вопли и вой со стороны германской армии. Свинцовые жеребья — это вам не шутка.

Первая шеренга, выстрелив, промаршировала назад для перезарядки, за ней вторая и третья. Такая тактика аркебузирова называется «караколь», «улитка» по-русски. Мосарабы действовали четко, слаженно и спокойно. Сто раз был я прав, когда нанимал их...

Радостное зрелище! Твою мать... Бодрит-то как! С самого момента попадания в тело бастарда как-то не особо впечатлялся видом смерти. Я и в прошлой жизни имел железобетонную нервную систему, а учитывая остаточную эмоциональную связь с моим предшественником, вообще стал порой себе удивляться, испытывая нешуточную радость при виде искалеченных и изуродованных врагов. Вжился в образ, ёптыть... Не стану скрывать — нравится мне воевать, нравится мне в этой эпохе; такое впечатление, что я раньше был не на своем месте, а сейчас вернулся домой.

Может, я совсем рехнулся?

Вполне возможно, но меня это совершенно не смущает, более того — я ничего не хочу менять и не буду, даже если представится такая возможность.

Арбалетчики продолжали стрелять безостановочно, раз за разом посылая болты в неприятеля. По нам тоже палили, но не арбалетчики, а лучники, но благодаря тому, что я в свое время озаботился хорошими доспехами и павезами для своих стрелков, урона нам почти не было. Германцы подрали всего троих фламандцев, но их уже утащили кутильеры в тыл. Тоже моя заслуга... Раньше бы выбирались сами.

Глянул по сторонам...

На левом фланге английские наемные лучники с пулеметной скоростью поливают стрелами германских кнехтов. Нормально, не отстают от нас.

Ломбардские пикинеры и аркебузиры с правого фланга держат строй.

Пока все идет согласно генеральной диспозиции.

Упорные германцы, несмотря на дикие потери, опять организовались в густые колонны и полезли вперед. В тридцати шагах остановились: вперед вышли стрелки и стали пристраивать на рогатины свои ручные кулеврины. Грохот, клубы дыма, что-то пронзительно свистнуло возле уха.

Осадил Родена и кинул взгляд на строй...

Черт!.. Снесли все-таки несколько человек. Неприятно, но терпимо... Рывкнул команду, и мои арбалетчики с аркебузирами, почти в упор выстрелив по подступающим нем-

цам, ушли за пикинеров. Пока работа для них закончилась...

С диким ревом дойчи ринулись вперед.

Наши спитцеры, повинувшись команде своего лейтенанта, мгновенно оцетинились пиками.

С гулом и треском пехотинцы столкнулись...

Я заметил риттера на громадном вороном дестриере, в ваппенроке с гербом герцога Саксонского поверх кастенбруста и рогатом армете, в окружении нескольких всадников и пеших кутюльеров. Дойч браво гарцевал и орал команды германской пехоте.

Пришпорил Родена и, опрокинув несколько кнехтов, ударом копыа вышиб из седла первого оруженосца, прикрывавшего своего господина. Копье с треском сломалось, но я успел выдрать из седельной кобуры свою аркебузу и выпалить во второго всадника. Куда попал, не заметил, но его тоже снесло с коня.

Пышного дойча все-таки не достал... Пока пытался вернуть аркебузу в кобуру, оказался окружен немецкими кнехтами... Но тут спас Роден. Жеребец встал на дыбы, сделал несколько скачков на задних ногах, разметал противников и вынес меня из окружения. Только и успел, что получить алебардой вскользь по бедру. Черт... больно-то как... но набедренник не прошибло. Роден — умничка. Вот же умная животиная, в какой раз спасает...

Выхватил меч и, разворачивая коня, увидел, что наши пикинеры, выдержав первый натиск врага, шаг за шагом начинают теснить дойчей.

Вовремя успел заметить наконечник немецкой пики и срубил его; возвращая меч, проломил голову ее владельцу и, пришпорив жеребца, опять прорвался к риттеру.

Немец тоже заметил меня и, выставив перед собой эсток, рванул навстречу. Эсток — это хорошо, видимо, все свои копыа он уже изломал, но мой двуручный фламберг почти в два раза длиннее.

Пустил Родена по левой стороне от дойча, бросил повод и, держа цвайхандер обеими руками, с налету рубанул по

риттеру, который все-таки в последний момент успел подставить под удар щит.

Ни хрена себе... Щит-то лопнул — не зря я по два часа в день машу этим страшилищем, тренируясь под руководством Иоахима ван дер Вельде — дойча таки опрокинуло на круп коня, но в седле он удержался. Могуч мужик, могуч...

Поднял Родена на дыбы, разворачиваясь, поискал взглядом немца и увидел, как его уже стащили с седла мои кутильеры и потащили в тыл. Немец не сопротивлялся, ошарашил я его нехило, а может, и кутильеры глушанули чем-то. Тоже красавцы.

— Коня, мать вашу!.. Коня ловите!.. — проорал им, Впрочем не особо надеюсь, что они услышат.

Рев и лязг вокруг стояли воистину оглушающие. Да и нелегкое это дело — боевого дестриера захомутать. На то он и боевой конь, абы кому в руки не дается. Попробуй сладь с громадиной в тонну весом...

Пришпорил своего жеребца и, опрокинув нескольких кнехтов, прорвался к своим порядкам. Увлекаться не стоит, живо повторишь судьбу дойча. С удовлетворением заметил, что один из кутилье прихватил эсток риттера. В коллекцию мою пойдет. Уже вижу, что он не ординарной работы.

Воспользовался тем, что имперцы отступили на десяток шагов, и отдал команду арбалетчикам. Фламандцы мигом выскочили из-за спитцеров и разрядили свои арбалеты.

За ними выпалили аркебузиры, успевшие перезарядиться.

Пользуясь тем, что немцы смешались, наша фаланга мерным шагом двинулась вперед. Палисады с торчащими из-за них дулами бомбард и серпентин стали приближаться.

Только успел прикинуть к шее Родена, как все вокруг заглушил ужасающий грохот и окутал пороховой дым.

Щит сорвало с руки и отнесло далеко в сторону...

— Твою же мать... — Хорошо хоть вскользь, пара картечин, скорее всего, попала, а так бы руку вместе с плечом вывернуло...

Когда дым развеялся, с ужасом увидел наши порядки... Спитцеров осталось на ногах едва ли половина и, самое страшное, на заваленной трупами земле бился андалузец Гуутена. Сам капитан пытался встать и раз за разом падал на землю. Вся котта у него залита кровью. Подскочили несколько кутилье и потащили его к нам в тыл.

Пикинеры смыкали ряды, повинуясь командам оставшегося в живых лейтенанта ван дер Вельде.

Поискал глазами Тука и облегченно вздохнул. Живой, его стрелки тоже почти не пострадали...

— Вперед! Вперед!!! — срывая голос, завопил я.

Другого выхода нет. Палисад надо взять любыми силами, иначе второй залп не оставит от нас и мокрого места. Что творилось по сторонам, я не видел, да и не мог увидеть. Мы переходили ложбину и, кроме усеянных трупами склонов, ничего не было заметно.

Пришпорил Родена и, вырвавшись вперед, двумя взмахами фламберга разметал кнехтов, затем пронесся вдоль строя, сметая и сбивая с ног пытавшихся выстроиться германских лучников. Краем глаза заметил, что Иоахим повторяет мой маневр, рубя с седла дойчей своим цвайхандером. Воистину мастер он в обращении с этой длиннющей железякой. Германцы отлетали от него в значительно урезанном виде, как горох от стенки.

Не переставая, я шептал молитву и славил мастера, выковавшего мой доспех. Уже перестал считать удары болтов по латам, защита Родена тоже стала похожа на гигантского ежа из-за торчащих в ней стрел, но вроде ничего не пробил, все-таки на нем под сегментными металлическими пластинами тройная стеганая попона и кольчужный подклад.

Спитцеры поднажали и заскочили на палисад, мгновенно переколов всю орудейную прислугу.

Так... Шестиорудийная батарея. Большие серпентины и два средних фальконета с почти трехметровыми стволами. Ты смотри, уже с поворотными цапфами... И вроде цельнолитые из бронзы, не из скрепленных обручами полос. Прогресс налицо. Все как по моему заказу.

Увидел ван дер Вельде и проорал ему:

— На вагенбург не идем, защищаем палисад до тех пор, пока не подойдут клятые жандармы! Мои аркебузиры сейчас развернут серпентины.

— Хорошо! — кивнул лейтенант и умчался отдавать приказания.

Я обязал Тука строить арбалетчиков и, прикрывая мосарабов, стрелять по подтягивающимся с основного имперского лагеря германцам.

Аркебузиры, развернув орудия, принялись прочищать их и заряжать. Пороха и ядер оказалось в избытке, а мосарабам все равно, из чего палить. Способный к огневому бою народ.

Мы первыми захватили палисад. Справа наемная итальянская пехота графа Кампобассо только карабкалась на склоны. Слева у английских лучников кондюкто Джона Миддлетона дела шли получше. Они уже рубились на самих укреплениях.

Когда отбили приступ, вернувшаяся конница во главе с самим Карлом Смелым и его гвардией опрокинула имперских риттеров, собравшихся нас атаковать, и погнала их к вагенбургу.

Прикинул я оставшееся число рутьеров — и чуть не заплакал. Из сотни спитцеров осталось в живых меньше половины, арбалетчиков погибло совсем ничего, но каждый из них для меня был как родной сын. Мосарабы, к счастью, как всегда вышли сухими из воды.

Отправил в тыл всех раненых и организовал кутильеров на сбор трофеев и поиск оставшихся в живых немецких дворян, валявшихся на поле боя, для последующего получения за них выкупа. Весьма немаловажная часть нашего дохода. Денег на пополнение отряда уйдет уйма, все до последнего грошика пригодится. Дай бог, чтобы Гуутен остался в живых...

— Ну так что с барками? — спросил подошедший шотландец.

Морда его раскраснелась, котта вся в дырках, но живой и невредимый.

— Подожди... — глянул я на реку.

Бургундская артиллерия всюду лупила по кораблям и даже попадала. По крайней мере, две имперские барки медленно тонули. Остальные спешно отчаливали, выходя из-под удара, но никак не могли справиться с течением. И их сносило в нашу сторону.

И уже темнеет. Значит, вполне надеюсь, наш маневр никто и не заметит...

— Бери два десятка арбалетчиков с десятком мосарабов и перехватите барку около отмели, — наконец решился я. — Но только одну барку. На остальные наплюйте, все равно сил не хватит. Команду заставьте сплавиться к тому месту, куда отогнали перед сражением подводы. Быстро грузите все — и в лагерь. К этому времени уже будет совсем темно и, думаю, мы тоже отступим назад. Вперед, братец. И это... смотри там. На рожон не лезь...

— Не беспокойтесь, монсьор. — Тук мгновенно умчался собирать отряд.

Все, что касается прибыли и трофеев, он делает очень охотно и быстро. Настоящий шотландец, ёптыть...

За телеги вагенбурга нашим войскам так и не удалось прорваться. Я бы очень удивился, если бы это случилось, все-таки атаковать с десяти тысячным войском пятидесяти тысячную армию — чистое самоубийство и верх идиотизма. Но, как это ни удивительно, потрепать германцев удалось довольно сильно. Можно даже сказать — победить. Если бы не стемнело, возможно, и удалось бы взять лагерь Фридриха. Во всяком случае, почти треть его армии вырезали, а еще десятая часть дезертировала в сторону Кельна. Герцог Бургундский и Брабантский Карл Смелый опять напинал в зад свою удачу и заставил ее повернуться к себе лицом. В чем-то он достоин уважения...

Проревели трубы, командуя отступление.

Я, беспокоясь за шотландца — как у него вышло с кораблем, можно было только догадываться, — поспешил в лагерь, предварительно организовав эвакуацию захваченных орудий и всего орудийного припаса. Мое! Будет в моей

компании еще и артиллерийская эскадра. А за пушчонки наемникам — оплата особая.

Проезжая горы трупов и спугивая начинавшее слетаться воронье, крепко задумался...

Мог ли я представить себя в ипостаси наемника? Да никогда!.. Хотя в старом своем теле я тоже нередко был склонен к авантюрам. Чего стоит одна только попытка свалить во Французский легион сразу после армии... Благо она не состоялась. Дембельнулся, сразу выиграл чемпионат страны и забыл про легионеров раз и навсегда.

Но что меня заставило стать на путь войны с руа франков Луи XI? То, что он приказал убить моего отца — то есть отца бастарда Жана д'Арманьяка, моего предшественника в этом теле, — конечно, имело большое значение. Все-таки остаточные эмоциональные связи с бастардом явно прослеживаются до сих пор. Но окончательно заставила меня возненавидеть Паука смерть Жанны де Фуа, моей мачехи. После взятия Лектура контессу увезли в замок Бюзе-Сен-Такр, куда я и направился, имея совершенно авантюрные намерения ее освободить. Дело в том, что она носила под сердцем единственного законного наследника семьи Арманьяк, и этот еще не родившийся мальчик был способен спутать все планы Луи по присоединению наших родовых земель к своей короне.

Я все-таки проник в замок, но было уже поздно. Луи прислал аптекаря в сопровождении своих дворян, и они отравили Жанну вместе с ребенком. Но! Но черт возьми! Из последних предсмертных слов Жанны я понял, что ребенок был от бастарда, в теле которого я оказался. Прекрасно понимая, что фактически не имею к нему никакого отношения, я тем не менее воспринял смерть мальчика как смерть своего собственного ребенка. Не знаю, как это получилось, но это так. И воспринимаю, и оплакиваю до сих пор.

Я отомстил. Отомстил барону Гийому де Монфокону и аптекарю, принудивших Жанну выпить смертельное зелье. Зарезал их, как баранов, прямо у ее смертного ложа и поклялся, что отомщу и самому Пауку...

ГЛАВА 2

В темноте забелели палатки нашего расположения. Пришпорил Родена и, влетев в лагерь, соскочил с коня возле палатки лекаря. Бросил поводья кутилье и откинул полог.

— Что с ним?

Лекарь, ничего не говоря, отошел от стола, на котором лежал Иоганн Гуутен.

Капитан был в сознании, но доживал последние минуты. Ядро оторвало ему левую ногу и полностью раздробило правую.

— Подойдите... — прошептал фламандец мне и лейтенанту спитцеров Иоахиму ван дер Вельде.

— Ты... ты все примешь... — Иоганн поднял руку, ткнул в меня пальцем и бессильно уронил ее на стол.

Затем посмотрел на ван дер Вельде и прошептал:

— Клянись, Иоахим, что сможешь ему...

— Клянусь крестом крови... — Лейтенант взял руку капитана и почтительно поцеловал ее.

— Ты... — Гуутен посмотрел на меня и прохрипел: — Дейлай, что должно...

Не глядя, я протянул руку к доктору и почувствовал вложенный в нее стилет. Я знал, что рано или поздно это случится, и уже давно был готов. То же при необходимости сделает и мой преемник. Капитаны уходят, чтобы возродиться...

— Ты уходишь в мрак к нашим братьям. Прах — к праху, кости — к костям, кровь — к крови. Твоя кровь всегда останется на нашем кресте и в наших сердцах... — громко произнес я ритуальную фразу и коротко ударил капитана в шейную артерию, быстро подставив под алую струйку отрядное распытие.

Затем развернулся и, не оглядываясь, вышел из палатки. Перед ней уже выстроились остатки компании.

— Капитан умер! — выкрикнул я и высоко поднял окровавленный крест. Выдержав паузу, продолжил: — Да здравствует капитан!

Иоахим сделал шаг вперед и громогласно заявил:

— Я, Иоахим ван дер Вельде, свидетельствую на кресте о том, что последним своим словом капитан Иоганн Гуутен назначил своим преемником лейтенанта арбалетчиков и аркебузирова Жана де Дрюона. Кто не согласен с этим решением — скажите сейчас либо молчите вовек!

Мертвое молчание...

Ван дер Вельде выждал достаточное время, чтобы могли проявиться все возражающие, но их не было. Тогда он, надрывая голосовые связки, заорал:

— Да здравствует капитан де Дрюон! Слава кресту!

Дружный одобрителный рев разорвал сумерки...

Ну вот... Свершилось. Хотя почему-то я совсем не рад...

Сделал шаг вперед.

— Моя жизнь принадлежит *вам*. Ваши жизни принадлежат *мне*, — произнес я положенные слова, стянул шлем с головы и низко поклонился строю.

Ну вот и все... С церемониями закончено, теперь, собственно, начинается работа.

Скомандовал:

— Обер-интендант, пробу из котла!

Мгновенно перед строем очутились кресло, столик и исходящая ароматным парком серебряная миска на нем. Петер ван Риис, бугрясь багровой опухолью на месте правого глаза и в заломленном белоснежном колпаке, с поклоном подал мне ложку, предварительно тщательно обтерев ее белоснежной салфеткой. Помнит, как я точно такую же ему в лоб запустил, заметив пятнышко.

Зачерпнул и попробовал похлебку. У-ух!.. Ядреная. Лука, чеснока и перца не пожалел, прохиндей. Но я все равно изобразил раздумья, впрочем, совершенно напрасно, думать было нечего — похлебка получилась невероятно вкусной, но сыграть пекущегося о желудках своих подчиненных командира никогда не помешает. Облизал ложку и, встав, сказал:

— Одобряю. Приступить к раздаче пищи. Разрешаю вскрыть бочонок эля. Лейтенант, сержанты, обер-медикус,

обер-капеллан и обер-интендант — через час ко мне в шатер с отчетами.

Сделал пару шагов к себе в палатку и чуть не упал. Отчего-то мгновенно навалилась дикая усталость. Разрядка началась, адреналин закончился...

— Что-то вы, монсьор, подустали. — Под локоть меня подхватил шотландец.

— Есть немного... Что там с баркой?

— Не извольте беспокоиться, монсьор. — Тук с довольным выражением поцеловал свои пальцы, сложив их в щепоть. — Не барка, а горшочек с медом. Всё уже в лагере. Петер как раз на приход ставит, а для нас — особый подарочек, в вашем шатре уже.

— Что значит «особый подарочек»?! — рыкнул на скотта. — Забыл устав отрядный? Всё на общий приход, затем дележ согласно долевному расписанию. На правез захотел?

— Это особый случай, — категорично заявил Тук и потащил меня в шатер. — Не беспокойтесь, монсьор. Я порядки назубок выучил, чай не зря вы обер-казначеем меня поставили. Вот сейчас доспех снимете, омоетесь, покушаете, пойдёте, а уже потом будем разбираться.

В моей личной палатке — в капитанскую я собрался переселиться только поутру — уже был накрыт стол. Как и обещал Петер, его украшал великанский гусь, запеченный в тесте, вокруг которого стояли блюда поменьше с разнообразной снедью. Причем я заметил много нового. Чего раньше в меню не было: сыр, свежие яблоки, копченые треска и угри. Где-то уже достал, проныра, надо будет похвалить при случае.

Паж воткнул мне в руку кубок с вином и, не говоря ни слова, принялся ловко снимать с меня латы...

— Рассказывай, — приказал шотландцу, развалившемуся в кресле напротив, и жадно отхлебнул рейнского.

— Барку взяли без потерь, только шефу де шамбр мосарабов шестопером по башке угодило. Но ничё... оклемается, — зачистил Тук, тоже набулькав себе вина.

— Что за груз?

— Провиант. Солонина свеженькая. Треска, сельдь, угри в бочках, гуси и утки копченые, все свежайшее и приличного копчения. И сыр! Тридцать больших кругов. И двадцать бочонков рейнского с мозельским. В два приема все вывозили. Даже мальвазия есть.

— Отлично!.. — Приз действительно оказался впечатляющим.

По части провианта мы уже давно поиздержались. Да и остальная армия тоже, даже в большей степени, чем мы. Надо с барского плеча герцогу маленько подкинуть. Лишний раз прогнуться не помешает.

— Проследишь, чтобы прямо сейчас отделили по четыре бочки вина каждого сорта и всего остального долю приличную тоже отправили в ставку. Пусть там разговоятся. Да, и... угрей поменьше им... самим мало.

— Уже распорядился... — Шотландец жадно опустошил свой кубок. — Даже на подводы успели сложить.

— Молодец! — Я обернулся к пажу и приказал: — Воду тащите и Матильду пригласи. Мыться буду.

Шотландец подождал, пока паж выйдет, затем, тайно улыбаясь, выкатил из-под стола небольшой бочонок, примерно литров на десять, и поддел кинжалом крышку. Откинул вошеную бумагу и с видом заправского фокусника подобрал блеснувший серебром кругляш.

— Гульдены! Серебряные! Полный бочонок!.. — восторженно прошептал он.

— Откуда они на барке? — Я немного ошалел от такого зрелища.

Ну право дело, вы видели когда-нибудь бочонок, полный серебра? Я вот тоже — нет. Только во сне.

— Капитан, перед тем как мы его утопили, признался, что должен был отвезти монеты боннским купцам в оплату за что-то там от самого герцога Саксонского.

— Очень интересно... И что ты предлагаешь?

«Капитан в случае необходимости своим единоличным решением раз в год имеет право отделить любую часть добычи для употребления ее в целях формирования и оснаще-

ния компании...» — процитировал шотландец устав и потянулся за кувшином.

— Но он «обязан уведомить об этом своих лейтенантов, которые уведомят в случае вопросов остальных братьев». Так ведь? — продолжил я и накинул длиннополый халат.

— Ну да... — недовольно сморщился шотландец.

— Значит, так и сделаем. Призовой команде и себе выпиши премиальные. Сам придумай, в каких размерах. И не жмись. Жалованье погибших разделить на живых с отделением десятой части на нужды компании. Да, почему ты еще здесь? Кажется, пора монету выдавать?

— Пошел уже... — буркнул шотландец и, прихватив со стола добрый кусок ветчины, направился к выходу. — Вот не жалеете вы меня, монсьор.

— Еще как жалею. Кстати, с тебя причитается.

— За что это? — Тук изобразил негодующее лицо.

— За лейтенантский патент. Ты с сегодняшнего дня лейтенант стрелков. Уже поутру представлю тебя. После чего въедешь в мой шатер уже на законных основаниях.

— Монсьор! — ахнул Тук и с ходу бухнулся на колени, чуть не сбив меня с ног.

— Не благодарю... — Я небрежно отмахнулся. — Заслужил. Подумай, кто вместо тебя станет сержантом. Все, вали... Стой. Через полчаса притащи сюда того риттера в гербовой котте герцога Саксонского. Поболтаю с ним о выкупе.

Только за скоттом закрылся полог, в шатер величаво вплыла Матильда в сопровождении учеников, тащивших бадьи с горячей водой.

Матильда... В настоящем периоде моей жизни всего две женщины оставили заметный след в моем сердце: Мадлен и Кармен, две неразлучные подруги, по воле случая ставшие соперницами. Мадлен Французская, вдовствующая принцесса Вианская, Беарнская и Андоррская, и тоже вдовствующая баронесса Кармен де Прейоль. Все случилось в кондадо Фуа, куда меня занесло по пути в Арагон...

С Мадлен случилась всего лишь интрижка по воле ее каприза. Результатом этой интрижки стала моя пробитая нога на дуэли с бароном Шарлем д'Айю — баннеретом кондадо Фуа, также претендующим на ее сердце. И всего пара поцелуев контессы. Больше ничего не успели... нелегкая принесла в Фуа послов от Луи, и принцесса, избегая возможных осложнений со своим братцем — а Луи оказался ее единокровным братом, отправила меня в сундуке под видом багажа отъезжающей баронессы де Прейоль... М-да... как в куртуазных романах...

Ну а Кармен... С Кармен случилась любовь. Горячая, как огонь, чистая, как горный родник, и внезапная, как удар молнии... Всегда буду помнить эту женщину... После расставания с ней я очень очерствел, два года не подпускал к своему сердцу женщин, но тут появилась Матильда...

Величаявая пышная фламандка с косой до пяток. Статная, очень красивая, удивительно похожая на скандинавских валькирий, какими их изображают современные художники. Всегда невозмутимо спокойная и всегда безошибочно угадывающая все мои желания. Простая маркитантка, без всякого намека на знатность. Не непотребная девка, это дикая ошибка горе-историков, описывающих маркитанток поголовно проститутками. Есть и они, даже немало, но есть такие, как Матильда. Прачки, кухарки... да много чего они делают! Скажу просто: эти по-своему героические женщины скрашивают наши суровые военные будни.

— Привет, kotik...

— Привет, капитан... — Матильда на ходу чмокнула меня в скулу и указала на дверь пажам. — Поздравляю.

— Спасибо. Как ты? — Я погладил рукой девушку по крепкому горячему бедру и почувствовал, как от прикосновения ко мне возвращаются силы.

— Как всегда. — Фламандка, засучив рукава камизы, принялась лить кипяток в корыто. — Ты цел?

— Да. Бог миловал... — Соврал и потер ноющее бедро.

Вот не везет мне с этой ногой. То дагой проткнут, то алебардой ошарашат со всей дури.

ГЛОССАРИЙ

алебарда — род колюще-рубящего холодного оружия, широкий длинный топор с лезвием в виде полумесяца, насаженный на длинное древко, имеющее наконечник в виде копья

алеманы — германцы

армет — закрытый рыцарский шлем. Характерной чертой этого шлема являются: шарообразный купол, подбородник из двух закрывающихся половинок и второе забрало, откидывающееся на затылок

баклер — маленький, 20—40 см в диаметре, чаще всего металлический круглый щит. Был рассчитан на использование главным образом в качестве вспомогательного оружия с мечом или шпагой. Б. держали за ручку с обратной стороны

банда — в данном случае: отряд. Так называли подразделения наемников

барбакан (реже — барбикан или барбикен) — фортификационное сооружение, предназначенное для дополнительной защиты входа в крепость

бизань-мачта — третья от носа мачта на корабле

бомбарда — основной тип средневековой тяжелой осадной артиллерии

бомбардель — бомбарда меньшего калибра

бригантина (бриганта) — доспех XIII — XVII вв. из стальных пластин на кожаной или тканевой основе с перекрыванием пластинами краев друг друга. Бригантина с латной защитой конечностей составляла латно-бригантный доспех

Бургундский Отель — так называли в Европе бургундский двор

бушприт, бугшприт (*нидерл.* boegspriet) — горизонтальное либо наклонное рангоутное дерево, выступающее вперед с носа парусного судна

вагенбург (*нем.* wagenburg) — передвижное полевое укрепление из повозок в XV—XVIII вв.

ваппенрок (*нем.* warpenrock) — немецкий аналог французского слова коттдарме (*котта*). То есть накидка особого покроя, одеваемая поверх доспехов, с изображением герба владельца или его сюзерена

веглеры (*фр.* veuglaires — соколята) — тип артиллерийских орудий, которые могли использоваться как при осаде (крупнокалиберные каноны), так и в полевом сражении. Пик их распространения пришелся на 1440—1460 гг.

винград — у гладкоствольной пушки: прилив на казенной части в виде шара

гамбизон (*англ.* gambeson) — вид поддоспешника. Появился с широким распространением кольчужных рубах. Гамбизон, стёганка, акетон, пурпуэн, *жак*, жакет и проч. — все они имели одинаковые цели использования и технологию изготовления

гербовый король — глава геральдической службы при дворе

герольд (от *лат.* heraldus — глашатай) — вестник, церемониймейстер при дворах королей, крупных феодалов; распорядитель на торжествах и судья на рыцарских турнирах

герса (также герс, от *фр.* herse) — в фортификации: опускная решетка для крепостных ворот, изготовленная из массивных металлических или деревянных деталей, заостренных внизу

глефа (глевия) — вид древкового пехотного холодного оружия ближнего боя. Состоит из древка (1,2—1,5 м) и наконечника (40—60 см, ширина 5—7 см). Наконечник —

клинок, имеет вид заточенного только с одной стороны широкого *фальшиона*

горжет — стальной воротник для защиты шеи и горла. Горжет был частью старинных доспехов и предназначался для защиты от мечей и других видов холодного оружия

готический доспех — полный рыцарский доспех с сер. XV до нач. XVI в. Отличался большой гибкостью и свободой движений за счет некоторого снижения уровня защиты. Как правило, имел сильное гофрирование и рифление металлических пластин, позволяющее увеличить прочность и уменьшить вес лат

гранд-бацинет — закрытый рыцарский шлем сер. XIV в. В отличие от просто бацинета имел затылочную пластину, прикрывающую нижнюю часть шеи, и несъемное забрало

грот-мачта — вторая от носа, самая высокая мачта на парусном судне

гукер — двухмачтовое судно с *грот*- и *бизань-мачтами*. На передней половине судна мачты не было. Название его зависело от назначения: для военного флота — **кеч**, для торгового — **гукер**. Парусное вооружение кеча и гукера было одинаковым

гульден — золотая монета во Фландрии и Бургундии. В просторечье могла называться еще «Св. Андреем», «Золотым львом» и «Золотым рыцарем» — тоже по изображениям на аверсе. 1 гульден = 1 фунт = 1 ливр = 1 флорин. 1 серебряный гульден = 20 стюйверов. 1 золотой гульден = 28 стюйверов. 1 стюйвер = 1 шиллинг = 1 су = 1 патар. 1 стюйвер = 8 пфеннингов. 4 пфеннинга = 1 гро

дага — короткоклинковое оружие. Дага имеет вид короткой, не превышающей в длину 50—60 см, колюще-режущей шпаги с узким клинком и усиленной гардой. Эфес даги имеет широкую гарду. Гарды могут быть в виде чаши или в виде дужек

дестриер, дестриэ, декстер — средневековая порода рыцарских боевых коней. Очень высокие мощные кони, достигающие около тонны веса и роста в холке 180 — 200 см,

хотя особенно ценились выучкой, выносливостью и породой, а не большим ростом

дизанье (*фр.* disenier) — в организационной структуре бургундской армии роты делились на взводы из десятка копий. Десятки в свою очередь делились на две неравные части: по шесть и четыре копья. Командиром большей части являлся дизанье, в подчинении которого оказывался командир малой части

донжон (*фр.* donjon) — главная башня в феодальных замках. В отличие от башен на стенах замка донжон находится внутри крепостных стен. Крепость внутри крепости. Наряду с оборонительной функцией донжоны служили жилищем феодалов

жак — одно из названий *гамбизона*, стеганный поддоспешник, мог служить самостоятельным видом доспеха у простых воинов, не имеющих средств на более дорогую защиту

жандарм — тяжеловооруженный кавалерист в ордонансных ротах бургундской армии

жеребья — рубленая свинцовая картечь. Подобной формы картечины при попадании оставляют страшные рваные раны

золотой орел — название флорина по изображенному на нем орлу

капеллина — вид шапеля. Простой дешевый шлем в виде каски с полями без забрал, бармиц, полумаски и прочих излишеств

кастенбруст (*нем.* Kastenbrust, букв. — коробчатая грудь) — рыцарский доспех севера Европы 1-й пол. XV в. Помимо коробчатой груди для этих доспехов были характерны шлем *гранд-бацинет* и латные перчатки. Характерными чертами его были угловатый силуэт и очень длинная латная юбка

килевание (от слова «киль») — наклон судна с целью осмотра и ремонта его подводной части

конверсос (от *лат.* слова «перевернутый») — мусульмане или евреи, принявшие христианство под воздействием проповеди или под угрозой изгнания. Выкресты

кондадо — испанское название графства

кондукто (*фр.* *conducteur*) — командир ордонансной роты в бургундской армии

копье (организационный термин) — в бургундских ордонансных ротах копье состояло сначала по образу французской армии из шести человек, в дальнейшем из девяти: 1 жандарма (командира копья), 1 кутилье, 1 пажа, 3 лучников, 1 пикинера, 1 арбалетчика и 1 кулевринера (всего 6 конных и 3 пеших)

королевский олень — самец благородного оленя с рогами о десяти отростках

котта (сюрко, коттдарме) — длинный и просторный плащ-нарамник, похожий по покрою на пончо и часто украшавшийся гербом владельца или сюзерена. Этот плащ рыцари носили в том числе и для защиты кольчуги от нагрева солнцем

кракинен — арбалет с *немецким воротом*

кутюльеры (*фр.* *coutilliers*) — французские средневековые солдаты, вооруженные шпагой или лезвием, воткнутым в палку. Обычно имели вспомогательные функции при жандармах и рыцарях, в том числе приканчивали раненых врагов

латинские паруса — треугольные паруса, которые пришиваются к длинному, часто составному рейку. Одно из древнейших парусных вооружений, сохранившееся до наших дней в неизменном виде

Левант — общее название стран восточной части Средиземного моря

легвант — утолщение дульной части орудия

мальвазия (мальмазия) — сладкое ликерное греческое вино из винограда с таким же названием. Отличается необычным приятным сладким вкусом и букетом. М. была известна уже в X в.

мизерикорд (*фр.* misericorde — милосердие, пощада) — «кинжал милосердия» с узким трехгранным либо ромбовидным сечением клинка для проникновения между сочленениями рыцарских доспехов или щелей забрала и добывания раненых рыцарей

миланский доспех — полный рыцарский доспех нач. XV — сер. XVI в. Простота, надежность и максимальная защита тела. Характерные черты: гладкие округлые формы, увеличенный левый налокотник и большое количество ремней, скрепляющих латы

мулине — связки из ударов и движений в фехтовании

наплечник — элемент доспеха, представлявший собой куполообразно выгнутую стальную пластину, прикрывавшую плечо, либо несколько таких пластин, скрепленных между собой

немецкий ворот — реечно-редукторный ворот, работающий по методу домкрата. Назван по месту изобретения

оммаж (*фр.* homage), или **гоминиум** (*лат.* homagium или hominium) — в феодальную эпоху: одна из церемоний символического характера. Присяга, оформлявшая заключение вассального договора в средневековой Западной Европе

ордонансные роты — регулярные подразделения бургундской армии, пришедшие на смену дворянскому ополчению. Созданы согласно ордонансу от 1469 г., изданному Карлом Смелым Бургундским, благодаря чему и получили такое название

павеза — щит прямоугольной формы, нижняя часть могла иметь овальную форму. Павеза часто снабжалась упором, иногда на нижнем крае делались шипы, которые втыкались в землю

палето — вид ливреи

палисад (*фр.* palissade) — полевое укрепление в виде препятствия или стены из ряда столбов высотой в несколько метров, вертикально врытых или вбитых в землю вплотную

или на небольшом расстоянии и соединенных между собой для прочности одним-двумя горизонтальными брусками

парфорсная охота — охота верхом на лошадях. Имеет различные варианты проведения

пасхал — пасхальная свеча. С помощью нее священник благословляет воду для крещения

патар — мелкая серебряная монета в Фландрии

персеваны — помощники *герольда*

пластрон — нагрудник

право мертвой руки — побор с наследства; обычно феодалы забирали лучшую голову скота

Провинции Той Стороны — общее название при Бургундском Отеле фландрских владений Карла Смелого

протазан — колющее древковое холодное оружие, разновидность копья. Имеет длинный, широкий и плоский металлический наконечник, насаженный на длинное (2,5 м и более) древко

рангоут (от *нидерл.* *rondhout*, букв. — круглое дерево) — общее название устройств для подъема и растягивания парусов; он обеспечивает их постановку и удержание в штатном (рабочем) положении

рапира (от *исп.* *espadas roperas*, букв. — меч для одежды, искаженное в *фр.* *la rapiere*) — колющее холодное оружие, разновидность шпаги с лезвиями, отличающаяся от боевых шпаг меньшим весом, а от классической шпаги — большей длиной

редут (*ит.* *redotto* — убежище, опорный пункт) — полевое, как правило земляное, сомкнутое фортификационное укрепление в виде квадрата, прямоугольника или многоугольника

рибодекин — легкая повозка (колесный лафет, тележка) с установленными на ней двумя или более орудийными стволами. По сути представляет собой несколько отлитых из меди или железа пушек, которые установлены на деревянную двухколесную платформу и из которых можно вести залповый огонь

риггер (*нем.* Ritter) — рыцарь

ручные кулеврины (от *фр.* coulevrine — уж). Русский аналог — пищаль. Представляет собой длинную гладкоствольную трубку с «хвостом» на конце, приблизительно в 1 м длиной, стреляющую свинцовыми пулями

саботон — латные башмаки с узкими или широкими носами, элемент защиты ступни рыцарского доспеха. С внешней стороны всегда изготавливаются из стали

салад — основополагающим признаком такого шлема является длинный назатыльник и ребро жесткости сверху. Мог иметь забрала различных видов. В пехотном варианте забрала отсутствовали и могли присутствовать поля — такого типа шлемы называли полусаладами

сарацины — магометане, узко — арабы и мавры

сервы (от *лат.* servus — раб) — рабы, полностью подчиненные своему сеньору и служащие в усадьбе или замке феодала. Находились в личной, поземельной и судебной зависимости от сеньора. Платили: 1) поголовную подать (шеваж); 2) брачный побор за разрешение жениться (формальяж), за вступление в брак со свободным лицом либо с сервом из другой сеньории; 3) право мертвой руки, ограничивающее свободу наследования, 4) право первой ночи сеньора на свадьбе. Кроме того, сеньор мог взыскивать с серва произвольную *тальяю*, т.е. требовать неограниченных повинностей и платежей. В отличие от вилланов не имели прав перехода

серпентина (*англ.* serpentine — «змеевидный») — тип орудий XV в. Более крупные, чем кулеврины. Калибр от 50 до 150 мм. Подразделялись на тяжелые, средние и легкие

списа — пехотная пика. Имела трехгранный наконечник и древко длиной обычно 3—5 м

спитцеры — пехотное подразделение, вооруженное пиками (списами)

такелаж (*нидерл.* takelage) — общее название всех снастей на судне или вооружение отдельной мачты или ранго-

утного дерева, употребляемое для крепления рангоута и управления им и парусами

гальвар — индийская сабля. Появился в XIII в. или чуть позже. Наибольшей популярностью пользовался в Северной Индии в эпоху Великих Моголов, бытовал вплоть до XIX в.

галья — общее название произвольных повинностей и платежей, взыскиваемых феодалом по собственному усмотрению

тарч — название щитов, применяемых в европейской армии с XIII по XVI в. Это выгнутые щиты различной формы, обычно имевшие локтевое крепление: один ремень надевался на предплечье, а второй зажимался в ладони. На правой стороне иногда делался вырез, предназначенный для фиксации копья

тет-де-пон (*фр.* Tête de pont — голова моста) — в фортификационном деле: предмостное укрепление, используется преимущественно для создания защитного периметра, в котором могут размещаться войска или имущество, чтобы способствовать дальнейшему увеличению завоеванной территории или служить запасной точкой на случай угрозы поражения

умбон — металлическая бляха полусферической или конической формы, размещенная посередине щита, защищающая кисть руки воина от ударов

фальконет (*англ.* falconet — молодой сокол) — название артиллерийского орудия калибром 45—65 мм

фальшборт (*англ.* bulwark) — ограждение по краям наружной палубы судна, корабля или другого плавучего средства, представляющее собой сплошную стенку без вырезов или со специальными вырезами для стока воды

фальшион (*лат.* falx — «коса») — европейское клинковое оружие с расширяющимся к концу коротким клинком с односторонней заточкой

фашина (*нем.* Faschine) — связка прутьев, пучок хвороста, перевязанный скрученными прутьями (вицами) или

проволоккой. Применяется в фортификационном деле для оборудования полевых укреплений, заваливания рвов, укрепления откосов

фламберг (*нем.* Flamberge) — двуручный (реже — одно-ручный или полутораручный) меч с клинком волнистой (пламевидной) формы. Применялся в Европе (в особенности в Швейцарии и Германии) в XV—XVII вв.

фок-мачта — первая, считая от носа к корме, мачта на судне с двумя или более мачтами

формальяж — налог за вступление в брак со свободным лицом либо с сервом из другой сеньории

фрайхер — барон в немецкой титульной иерархии

цапфы — выступы цилиндрической формы на середине ствола орудия, вставляемые в цапфенные гнезда станка. Изобретение цапф значительно упростило вертикальную наводку артиллерийских орудий

цвайхандер (*нем.* zweihänder)— двуручный меч, имевший специфическую двойную гарду, в которой малая гарда, называвшаяся «кабаньими клыками», отделяла незаточенную часть клинка от заточенной

шайр — порода рыцарских лошадей. Ведет свое происхождение из Англии

шапель — дешевый шлем, производившийся в Европе с XIII до XVII в. Имел цилиндрическую, цилиндрическую с конусом или сфероконическую форму с широкими полями, частично закрывающими плечи. Защиты лица не было

шебека — парусно-гребное судно. Трехмачтовое судно с косыми парусами. Применялось в Средние века и в Новое время на Средиземном море для военных и транспортных целей, а также для пиратства

шеваж — поголовная подать

шестопёр — оружие ударно-дробящего действия. Представляет собой разновидность булавы, к головке которой приварено шесть (реже — более) металлических пластин — «перьев»

эскадра (*фр.* escadres) — эскадрон. Эскадронный командир — шеф дэскадр (*фр.* chief d'escadre)

эспада (*исп.* espada) — испанский одноручный меч с прямым узким обоюдоострым клинком. Эволюционировал в шпагу. Часто эспада применялась одновременно с дагой

эсток (*фр.* estoc) — двуручный, узкий меч с четырехгранным клинком, он предназначался для уколов в случае потери или поломки всадником пики. Мог оснащаться сложной гардой

юшман (от *перс.* джавшан) — кольчато-пластинчатый доспех с кольчужными рукавами до локтя и полами до середины бедра. Пластины, вплетенные в кольчужное полотно, доходят почти до шеи. Застегивался спереди как кафтан на застежки, приклепанные к передним пластинам. Производился с XIV до XVII в.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНА АРМАНЬЯК. РУТЬБЕР. Фантастический роман	5
Глоссарий	301